

Эта сентенция — «Не в брёв-
нах, а в рёбрах», высказанная
еще в 1993 году протоиереем
Алексием Буланушкиным, насто-
ятелем полкового храма Георгия
Победоносца 201-й Гатчинской
мотострелковой дивизии (соз-
данный в пылающем граждан-
ской войной Таджикистане, он
был тогда единственным во всех
российских войсках!) — впервые
заставила задуматься о том, что
именно люди, пришедшие сюда
для Богообщения, составляют его
суть, его сердцевицу.

История большинства пра-
вославных храмов на окраине
нашей необъятной России часто
запутана и неясна не только при-
хожанам, но и историкам церк-
ви. Оренбуржье, осваиваемое
Россией, начиная с первой трети
XVII в., полно такими история-
ми, запутанными, спорными и
часто трагическими. Возможно,
всё было бы понятнее, если бы не
было антирелигиозной борьбы с

Церковью в XX в., прокатившей-
ся страшным огненным катком и
по храмам, и людям...

В судьбе храма имени препо-
добного Сергия Радонежского в
селе Новосергиевка (ныне адми-
нистративном центре Новосер-
гиевского района Оренбургской
области) тоже немало загадок.
В начале XVIII в. это был один
из первых храмов Русской Пра-
вославной Церкви во вновь при-
соединённом крае. Первоначаль-
но на этом месте, на берегу реки
Самарки, появилась казачья кре-
пость Тевкелев брод.*

* Её основатель Муртаза Тевкелев (в
крещении Алексей Иванович), воспи-
танник «гнезда Петрова» и его перевод-
чик (несмотря на своё татарское про-
исхождение) с западных языков, был
человеком незаурядным. Именно поэ-
тому его, как и сотни, тысячи ему по-
добных, «вытолкнула» на поверхность
общественной жизни России бурная
деятельность великого реформатора
Петра Великого, вовлекавшего в свою
орбиту всё самое лучшее и передовое

Практически сразу после основания её перенесли чуть повыше, на холм над рекой: мешали весенние половодья. Здесь на самой верхушке холма и построили первый деревянный храм во имя преподобного Сергия Радонежского. Согласно «Клировым ведомостям Самарской Епархии...», в ведении которой в то время находилась крепость Новосергиевка, «церковь вспоминения преподобного отца нашего Сергия Радонежского чудотворца деревянная без предела, в 1748 году казённым коштом на принадлежащей крепости и жителям земле по примеру прочих восточных грекороссийских православных церквей построенная и сим приличество благолепием украшена, сосуды серебряные с позлащением, книга всего церковного округа имеются, церковную приличную ризничью утварью и прочим, что потребно для церкви, снабдена. При сей церкви по благочестному 1732 года штату было наблюдать одному священнику, одному дьячку и одному пономарю».

К великому сожалению, история не оставила нам имён первых священнослужителей храма преподобного Сергия Радонежского; а уже упоминавшийся нами первый доподлинный документ о церкви, полное наименование которого — «Клировые ведомости Самарской епархии Бузулукского округа крепости Новосергиевской одинокомплектной деревянной церкви вспоминения преподобного отца нашего Сергия Радонежского чудотворца штатных и

заштатных священно- и церковнослужителей и детей их за 1825 год» — отстоит от даты её первой постройки на целых 57 лет!

Относительно же Георгия Епасьевича Маврицкого, настоятеля храма, эти самые ведомости составившего, известно, что это был «священник 36 лет. Извеки обучался <...> в Оренбургской епархии Бугуруслановской семинарии грамматике, риторике, истории церкви <...>. Преосвященным Августином епископом Оренбургским и Уфимским и кавалером 1814 года августа 15 дня произведён Троицкого уезда села Берёзовки в Архангельской церкви иподиакона. 1815 года февраля 23 дня оным преосвященным Бузулукского уезда диаконом в село <...> к Троицкой церкви, а 1817 года июля 22 дня тем же преосвященным произведён в священника в Новосергиевскую крепость к церкви преподобного отца нашего Сергия Радонежского чудотворца и на оный чин ставленную грамоту и указ имеет». Здесь же сообщалось, что Г.И.Маврицкий был отцом четверых детей.

О диаконе церкви по тем же Ведомостям известно и того меньше: «Фёдор Лаврентьев, 54 лет. Жена его того же уезда той же крепости умершего казака Якова Коркина дочь Евдокия Яковлевна. У них: сын Захар 26 лет. Жена его того же уезда той же крепости умершего казака Ивана Овчинникова дочь, Марья Ивановна, 24 лет; дочь Устинья (полугода); Василий (22 лет); Стефан (19 лет); Алексей (14 лет); Марья (14 лет);

Екатерина (6 лет); Прасковья (2 года)».

Известно, однако, имя служащей просвирни. Это «вдовствующая крепости Новосергиевской казачья жена Катерина Иванова, 40 лет».

Судя по упоминаемому документу, церковь была полностью замкнута на «крепостную» жизнь и не имела никакой собственности: «При оной церкви преподобного отца нашего Сергия Радонежского чудотворца 33-х десятинной пахотной и сенокосной земли не имеется. Священно и церковнослужители получают штатной государственное жалование каждый год по расписанию Оренбургской казённой палаты... священник 28 рублей и 20 копеек, дьячок и пономарь по 9 рублей 60 копеек».

По сведениям данных Ведомостей, известен и количественный состав прихода церкви в 1825 году: «В приходе дворов 226. Кроме духовных в них душ мужеска пола 590, женского 580; обоего пола 1140, в том числе прихожане: военных, принадлежащих ведомству Оренбургской канцелярии 160 + 413 душ мужеска, 407 женского и обоего 814».

Однако «Клировые ведомости...» за 1825 г. — далеко не единственный из известных авторам данной работы источников, характеризующий жизнь данной церкви в середине XIX в.: в документах за 1829 г. она упоминается как один из храмов Епархии, вовремя не подавший «духовные росписи» священников; данные

о храме появляются и в следующем, 1830 г.: по свидетельству «Экстракта», составленного по духовным росписям церковей и направленного в Оренбургскую Духовную Канцелярию, в Новосергиевской церкви Сергия Радонежского имелось уже «...845 душ мужского и 841 женского пола. На этот год из числа священно и церковнослужителей, их жён и детей исповедовались и причащались 7 душ мужского и 6 — женского пола. Из числа штаба оберофицеров, урядников, солдат и начжён и детей исповедовались и причащались 142 души мужского и 173 — женского пола. Далее — статские, посадские, дворовые, поселяне и даже раскольники».

Несколько отличные от ранее приведённых сведения о церкви преподобного Сергия Радонежского имеются в книге «Православные исторические храмы Оренбуржья». По мнению составителей монографии, «Церковь в с. Новосергиевка Бузулукского уезда построена в 1887 г. на средства прихожан» (для сравнения: по сведениям «Клировых ведомостей...» за 1825 г. она была «...в 1748 году казённым коштом...построенная...»).

Чем вызвано данное разночтение, сказать трудно. Возможно, дело в частых пожарах деревянных строений. По материалам книги «Православные исторические храмы Оренбуржья», в то время «...не только бузулукские церкви страдали от пожаров. В описях фонда Оренбургского духовного правления встречаются

дела, которые свидетельствуют о пожарах в Сорочинской, Ольшанской и Тоцкой крепостях. В 1742 году со всей утварью сгорела церковь в Сорочинской крепости». Таким образом, возможно, речь идет о восстановлении или реставрации новосергиевского храма — более чем за век он вполне мог разделить судьбу других пострадавших от пожаров деревянных церквей. В упомянутой монографии ведь также отмечается, что здание церкви с колокольной было «деревянное, на каменном фундаменте, тёплое, покрытое железом. Престол один — во имя преподобного Сергия Радонежского. По штату на 1912 год причт церкви состоял из священника, дьякона и псаломщика. Священником в церкви служил Георгий Ипатьевич Маврицкий, выпускник Оренбургской духовной семинарии».

Эти данные подтверждают, что речь идёт об одной и той же церкви; и священником в ней служит Г.И.Маврицкий (разница состоит лишь в написании отчества — «Ипатьевич» вместо «Епатьевич»). Однако в книге упомянут штат причта 1912 года. На наш взгляд, связывать с этим годом имя Маврицкого Г.И., который ранее действительно служил в данной церкви, было бы ошибочным, так как, согласно более раннему по времени документу — «Клировым ведомостям...», ему уже в 1825 году было 36 лет. Если допустить, что Георгий Епатьевич по-прежнему служил в церкви Сергия Радонежского в 1912 году, то получается, что ему

тогда было 123 (!) года, что вряд ли возможно.

Тем более, что, по данным официального сайта новосергиевского храма, в 1910 году настоятелем храма был священник Григорий, также священник Иоанн (Благомыслов) и диакон Василий (Геронтъев).

Что же касается описания самого храма в этот период времени, то на сайте приводятся ещё и такие подробности: «Церковь была деревянной, длиной в 15 с. (видимо, сажений — В.Д. и И.Д.) шириной 6 с. (сажений), высотой до верха карниза 9 с. (сажений) и 1 арш. (аршин — В.Д. и И.Д.). Храм одноглавый с трёхъярусной колокольной. Иконостас длиной 14 арш. (аршин) и высотой 16 арш. (аршин).

Далее в книге «Православные исторические храмы Оренбуржья» приводятся данные о храме, ранее не упоминаемые в приведённых источниках, так как речь идёт о более позднем времени: «Церковно-приходская школа открыта в приходе в 1891 г., в ней обучались 70 девочек. Доход от кружечного сбора в 1912 г. составил 1500 рублей.

В ведении церкви находилось 67 десятин земли.* При церкви действовала библиотека, содержащая 195 томов книг религиозного

* Для сравнения: в 1825 г. никакой собственности храм не имел, и содержание штата священно- и церковнослужителей осуществлялось лишь из жалованья «...каждый год по расписанию Оренбургской казённой палаты»

содержания. Численность прихода составляла 4300 человек».

Здесь надо отметить, что не только этот храм активно способствовал повышению уровня религиозного образования русского православного мира. К октябрю 1917 г. число верующих в области составляло 1 млн 680 тыс. человек, которые посещали 916 храмов. Действовало 11 монастырей (7 мужских и 4 женских).

Церковь играла важную роль в ликвидации неграмотности и в общеобразовательной подготовке населения. В 1890 г. при церквях Оренбургской епархии работало 250 библиотек, в 1905 г. — 560, в 1915 г. — 650. В эту деятельность вносила свою посильную лепту и новосергиевская церковь. Однако до сих пор необъяснимо, почему она, будучи одним из старейших православных храмов крупного населённого пункта епархии, не упоминается в списке по IV благочинническому округу, хотя здесь значатся храмы гораздо меньших по размеру сёл и деревень, расположенных всего в 10-15 верстах вокруг него — к примеру, в Рыбкино, Черепаново, Филипповке.

Это тем более странно, что многие из перечисленных храмов были даже закрыты и снесены в годы Советской власти: широко известно, что, начиная с 1918 г. по всей России происходило массовое закрытие церквей, монастырей и других «культовых учреждений», часть которых отдавалась различным организациям под

хозяйственные нужды (склады, клубы и т.д.), а часть просто уничтожалась путём сноса.

Вот и подошли мы к трагическим временам богоборчества.

Практически сразу после Октябрьской революции в России оно стало одним из приоритетных идеологических направлений деятельности новой власти, в орбиту которого вовлекались, как правило, малограмотные и несознательные, но весьма активные молодые люди. Так новосергиевский кружок сформированного в 1924 г. Общества друзей газеты «Безбожник» на девять десятых состоял из крестьян и рабочих, из которых некоторые в анкетах даже точно не могли назвать своего социального положения: «бедняк», — писал в этой графе житель села Осип Данилович Петров 1894 года рождения; «женат, 3 детей», — писал Александр Кузьмич Мещеряков; «дом и корова», — сообщал о себе в этом разделе Святиков Владимир Фёдорович (Федотович? — написание неотчётливо. — И.Д. и В.Д.). Тем не менее, имея часто «низшее» образование, как, к примеру, Иван (Иов?) Широнин, они, по их собственному мнению, были готовы вести культурно-просветительскую работу, «проводить отдельные беседы... против служителей церковного культа». Интересно, как эти беседы выглядели: «куда деньги от свечей деваешь, бородастый бездельник?!» или «а сам-то ты Бога когда последний раз видел?!»

Взаимоотношения Советской власти и Русской Православной Церкви в 1920-1940 гг. были достаточно противоречивы и могут быть условно разделены на два этапа, характеризующиеся своими особенностями и чертами:

1) 1920-1930-гг;

2) годы Великой Отечественной войны.

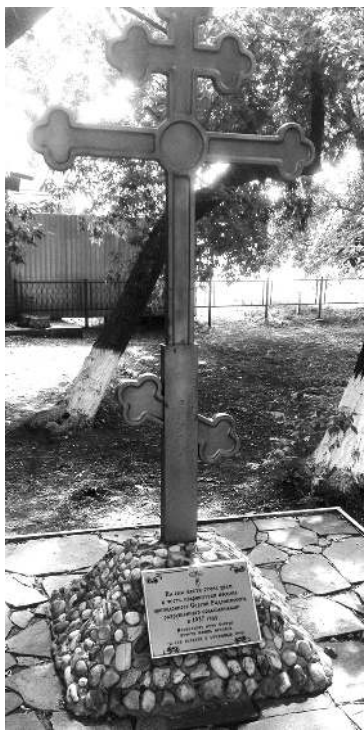
Первый период ознаменовался наступательной политикой Советской власти против Церкви и различных организаций религиозного толка. При этом необходимо выделить существенную особенность: мероприятия против Церкви, проводимые местными властями, по жёсткости порой превосходили требования региональных и центральных органов власти. Это в полной мере касается и Оренбуржья. Хотя в постановлениях губернских советов о деятельности «Комиссий по переучёту и изъятию церковного имущества» подчёркивалась «... крайняя необходимость наряду с твёрдостью проявлять неизменный такт, тщательно остерегаясь задеть неосмотрительными действиями или выражениями религиозные чувства верующих», однако в действительности всё происходило иначе.

Тем более, многое тогда можно было при желании «списать» на трудности экономического становления страны, которыми, в частности, обосновывалось снятие с церквей колоколов. В основном эта компания приходится на 1929-1930 гг. Вот почему, на наш

взгляд, эти годы можно выделить в отдельный период истории взаимоотношений Советской власти и Церкви. Формально связанный с индустриализацией страны (чем, собственно, и обосновывалась необходимость изъятия колоколов, как источника цветных металлов для промышленности), он фактически, согласно даже директиве СНК от 23 октября 1930 г., привёл к ликвидации колокольного звона. Верующие в тот период неоднократно обращались с жалобами во ВЦИК с «просьбой оставить колокола на своём месте, как нужные и необходимые для свершения разных богослужений». Однако только в 1930 году в Оренбургском округе сняли колокола с 22 зданий религиозного культа. Общий вес бронзы при этом составил 117464,56 кг.

Процесс изъятия рекомендовалось тогда согласовывать с районным ОГПУ и осуществлять в кратчайшие сроки, перевозя колокола, не привлекая внимания, к ближайшим железнодорожным станциям.

«Свидетелем компанийщины, — отмечается в Постановлении СНК 213 7-546-с от 2 августа 1945 г., — является информационно-директивное письмо от 24 мая 1930 г., которое свидетельствует, что снятые колокола лежат неубранными на площадях около церквей. «Этим подрывается авторитет общинных и прочих организаций, ставивших вопрос о быстрой передаче колоколов на дело индустриализации страны».

Поклонный Крест у Новосергиевской церкви

Предлагалось в срочном порядке органам Рудметалторга закончить работу по разбивке и доставке на склад. Судьба многих колоколов заканчивалась их передачей «Цветметаллу».

В первый послевоенный год в городе Чкалове верующих собирали ударами в кусок рельса. То же Постановление СНК от 2 августа 1945 г. предлагало СНК республик, областным (краевым) исполкомам «не препятствовать церковным общинам проводить церковный колокольный звон в городах и сёлах, используя имеющиеся

колокола, и не препятствовать их приобретению». Постановление на местах не реализовывалось. Духовенство предпринимало попытки выкупить колокола, находившиеся в распоряжении местных органов власти. В частности, неудачей закончилась попытка передачи двух двадцатипятипудовых колоколов бывшей Новосергиевской церкви, находившихся на балансе пожарной охраны. Председатель Новосергиевского райисполкома Марков на просьбу духовенства отреагировал следующим образом: «Хотя религия в Советском Союзе и свободна, но мы имеем указание от партии и правительства вести упорную борьбу с ней».

Упоминание в данном контексте «бывшей» новосергиевской церкви и её колоколов проливает слабый свет на некоторые аспекты её жизни в ту трагичную для русского православного мира эпоху, так как, «...по сохранившимся данным, закрытие храма Преподобного Сергия Радонежского не выявлено». А именно на то, какие колокола она имела ранее; а также на то, что в тот период имелись какие-то представители духовенства, которые обращались в Новосергиевский райисполком с просьбой о передаче колоколов. Куда? Кому?

Ведь известно, что самого здания храма, того самого «деревянного без предела на каменном фундаменте», к тому времени уже не существовало. Яркое тому свидетельство — наличие Поклонного Креста, находящегося в нескольких десятках метрах от современной

Новосергиевской церкви, у подножия которого на мраморной табличке выбито: «На сем месте стоял храм в честь покровителя посёлка преподобного Сергия Радонежского, разрушенный большевиками в 1937 году. Преподобный отче Сергие, прости наших предков за сей великий и страшный грех».

По сведениям официального сайта новосергиевского храма, приводящего подробности его уничтожения в 1937 году, «храм ломали тракторами, руками, долгое время не могли разрушить, прихожане плакали, молились, но всё-таки гонители добились своего».

И вот церковь разрушена. Однако есть свидетельства того, что требы здесь не прекращались ни позже, ни даже в год разрушения храма. Однако фамилия священника, осуществлявшего их в тот период, и даже местность, из которой он в 1937 г. приехал сюда для этой цели, неизвестны: «В Новосергиевке целый день таскали священника по кладбищу, а никто не поинтересовался, откуда он приехал...», — с выцветших страниц протокола общего собрания Новосергиевской партиячейки с возмущением привлекает внимание собравшихся к этому факту член этой самой ячейки, учитель средней школы Семочкина.

Совершенно очевидно, однако, что это был не собственно новосергиевский священник, который к моменту составления протокола собрания уже был арестован

ОГПУ: «Бардин Фёдор Спиридонович, 1891 г.р., священнослужитель с. Новосергиевка, Сорочинский р-н.; осуждён тройкой ПП ОГПУ по СВК. 27.04.30 на 10 лет ИТЛ. Дальнейшая судьба его неизвестна», — отмечает составитель книги «Мученики и исповедники Оренбургской епархии XX века. Книга III» Н. Стремский. Такая же судьба на данном процессе, по его сведениям, постигла и другого новосергиевского священника — Николая Клавдиевича Зефирова.

Кто же и где здесь служил во времена послевоенной «оттепели» гонений на церковь?

«На территории Чкаловской (ныне Оренбургской — В.Д. и И.Д.) области в 1947 году без регистрации функционировала Никольская церковь в с. Краснохолм. В большинстве районов действовали незарегистрированные общины верующих, возглавляемые «заштатным духовенством и монашествующим элементом». В сёлах Старые Узелы и Мордово-Бокла Мордово-Боклинского района в течение длительного времени не прекращались службы, которые совершали заштатные священники Звенигородский и Евдокимов. Нелегальные богослужения проводились в сёлах Колтубановка Бузулукского района, Городище, Николка и Нижне-Озёрное Краснохолмского района, Кардаилово Илекского района. В Новосергиевке отправляли религиозные требы Соколов и Локтин, не имевшие священного сана», — отмечает иерей Олег

Цаплин в своей дипломной работе «Церковно-государственные отношения 1945-1952 гг. По материалам Оренбуржья». Позже, по материалам другого источника, он сообщает ещё одно имя человека, осуществлявшего в тот период в Новосергиевке церковные требы: «... в п. Новосергиевка службы проводили К. Соколов и Е. Богданов».

По сведениям служащего здесь с 2010 года иерея Алексея Долгалёва, настоятеля восстановленного и освящённого в 2009 году митрополитом Валентином храма преподобного Сергия Радонежского (его закладка осуществлена в 1999 году митрополитом Леонтием), здесь также чтится память захороненного в 1906 (или 1909 — дата, как, впрочем, и фамилия священника на могильном

камне, по его данным, тяжело просматривается) году на старом кладбище священноиерея Евфимия Николаевича Борейко.

Кстати, нынешний величественный каменный храм создан по благословию Церкви строителями-узбеками, специалистами-каменщиками, занимающимися реставрацией минаретов и медресе средневекового Хорезма. Вот такие перипетии истории нашей недавней общей Родины!

Такова непростая и трагическая история небольшого храма в районном центре Оренбуржья. И нам остаётся только повторить слова, начертанные на Поклонном Кресте, установленном на месте его прежнего существования: «Преподобный отче Сергие, прости наших предков за сей великий и страшный грех»...

Новосергиевский храм сегодня